

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-31-42

УДК 1 (091); 115

СИМВОЛ ГРАНИЦЫ В МИФЕ О ДЕДАЛЕ И ИКАРЕ

Денисова Татьяна Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,

декан факультета социальных технологий

Сургутского государственного университета,

Россия, 628412, Тюменская область,

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,

Сургут, пр. Ленина, 1

denisovasever86@bk.ru

Аннотация

В центре внимания статьи находится один из самых известных древних мифов о Дедале и Икаре. Этот миф истолкован через призму универсальной метафизической проблемы границы, в корреляции с проблемой человеческой сущности и существования. Целью является представление диалектического единства двух моделей взаимоотношений мира и человека и двух моделей достижения самоидентификации человека в процессе установления актуальных границ и попыток их преодоления. Человек, для того чтобы быть собой, в равной степени нуждается в том, чтобы установить и обозначить свои пределы и чтобы преодолеть их. Более того, он может открыть свои границы только в момент их пересечения. Таким образом, экзистирование всегда связано с трансцендентными актами, с процессом установления и разрушения границ. Как установление границ, так и их разрушение соответствуют природе человека и его основным жизненным потребностям. Икар собственной гибелью устанавливает (узнает) фактические границы человека, которые он игнорировал раньше. Дедал устанавливает (прокладывает) новые границы, преодолевая прежние своими техническими изобретениями.

Ключевые слова: граница, Дедал и Икар, миф, техника, трансценденция, экзистенциальная потребность.

Библиографическое описание для цитирования:

Денисова Т.Ю. Символ границы в мифе о Дедале и Икаре // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 1. – С. 31–42. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-31-42.

*Иди туда, куда не можешь,
Узри то, что не видишь,
Услышь то, что не издает шума...*

Ангелус Силезиус,
Херувимский странник, I, 199

Интродукция

Когда речь идет о мифологических историях, мы склонны редуцировать их смыслы к простым и однозначным символам, даже не пытаясь преодолеть инерцию привычного толкования. Причем это касается и сюжета, и главных героев. Древнегреческий миф о Дедале и Икаре настолько всем известен с детства, что, казалось бы, трудно обнаружить в нем новые источники идей и смыслов. И образы героев, и сюжет мифа воспринимаются европейским сознанием и цитируются в различных культурных текстах (от художественных фильмов до коммерческой рекламы) как архетипические: образ Дедала интерпретируется как символ великого мастера, воплощение технической и научной смелости; образ Икара – как символ героя, заплатившего своей жизнью за попытку воплощения давней мечты человечества, а сама история – как история первого полета человека (в разной степени удачного для ее персонажей).

Однако миф о Дедале и Икаре стоит того, чтобы быть осмысленным заново, вне этих привычных символов, и гораздо глубже, чем просто «история одного открытия», или «история одного подвига», или «история одной трагической ошибки». На наш взгляд, эта увлекательная (и «понятная даже детям») история может быть философски истолкована как иллюстрация универсальной онтологической и экзистенциальной проблемы границы, а именно – вопроса о том, что есть граница в мире и какова ее роль в человеческом существовании; а действия обоих персонажей этого мифа интерпретированы как два разных ответа на эти вопросы, две разные модели положения и поведения человека в мире, пересеченном и разделенном границами.

В рассматриваемом нами мифе два главных героя создают биполярное равновесие своими противоположными интенциями и итогами: Дедал своими действиями и, что наиболее важно, их результатами демонстрирует безграничные возможности человека; Икар же, напротив, обнаруживает человеческие пределы, человеческое невозможное.

Однако миф чаще всего трактуется как «миф об Икаре», о его «героическом» полете и «героической» смерти. Если отказаться от стереотипов восприятия этого мифа, данная интерпретация кажется странной и несправедливой, причем в разных тематических ракурсах – техническом, этическом, экзистенциальном и онтологическом, и нуждается в прояснении. Итак, почему же именно Икар считается героем данного мифа?

Сущность границы и ее онтологический статус

Человеку свойственно видеть и оценивать мир как нечто пересеченное границами, благодаря чему каждая существующая вещь имеет свою собственную сущность, цель и имя, а сам мир, таким образом, упорядочен, структурирован и понятен. Граница дает объекту отдельность и внутреннюю целостность; определяя его сущность, связывает с другими объектами и предоставляет ему место в структуре целого. Граница позволяет любому нечто быть чем-то определенным и вместе с тем дает ему горизонт, являясь условием его связей, развития, изменения. То есть граница обуславливает два наиболее важных качества бытия – пребывание и становление. Границы вещей не только структурируют и упорядочивают мир, делают его постигаемым, они являются важнейшим онтологическим условием существования любого сущего, его соразмерности другому сущему, внутренней целостности мира.

Бесконечность для конечного человека невыносима психологически и невыносима психологически. Только мир, разделенный внутренними границами, единственно приемлем в силу своей постижимости и упорядоченности. Только нечто ограниченное последним пределом человек способен воспринять как реальное. «Каждое сущее есть в той мере, какая ему отмерена соразмерностью целого и в какой оно эту меру наполняет», – указывал известный философ А.В. Ахутин [1, с. 149].

В человеческом существовании понятие границы имеет особое значение. Для вещи выйти за свои пределы означает перестать быть собой и, следовательно, перестать быть. Для человека это значит, во-первых, продолжить свое существование, а во-вторых, может быть, только сейчас и стать самим собой. Во все времена в поисках согласия с самим собой и ответа на вопрос «что я такое?» человек пытался обнаружить или установить свои границы, понимая в то же время сложность или даже неосуществимость этой задачи. «Границ души тебе не разыскать, по какому бы пути ты ни пошел: столько необъятна ее мера», – предупреждал Гераклит [4, с. 174]. Однако, несмотря на трудность этой задачи, человек не может отказаться от ее решения, поскольку только вещи и сам человек, существующие в границах, имеют свое место в упорядоченном мире. То, что не имеет границ, не имеет сущности и, следовательно, не существует.

Технико-инструментальный ракурс: техника как маркер границы человеческих возможностей

Рассматривая этот миф как историю технического эксперимента, можно с определенностью сказать, что это история технического триумфа Дедала и технического провала Икара, а также история появления техниче-

ского устройства, в разной степени удачно выступающего в качестве посредника в отношениях между человеком и миром.

Дедал – гениальный инженер, который создал что-то новаторское, беспрецедентное и совершил настоящий прорыв. Его идея пересечь море была вызовом мировому порядку, богам и природе, а также образцом точного расчета и мастерского исполнения нового технического устройства. Икар в этой истории исполняет только волю отца и делает это плохо, игнорируя технологию полета («технику безопасности») и конкретное указание отца летать на определенной высоте. Он погиб потому, что не научился пользоваться крыльями, сконструированными Дедалом, и не потрудился принять мир со всеми его законами. И техника, и законы природы оказываются для Икара чем-то внешним, чужим и в итоге враждебным. Для него между ним и миром, и даже между ним и техникой пролегают непреодолимые границы. Дедал же благодаря технике не овладевает миром, не подчиняет его, а оказывается ему сопричастным. Он принимает и понимает мир как он есть и тем самым включается в порядок Космоса.

Для Дедала техника – способ установления отношений с миром, его понимания и рационального освоения; для Икара – средство овладения им, способ преодоления его законов. Дедал благодаря технике принимает и понимает мир таким, какой он есть, и тем самым входит в порядок Космоса. Икар, пытаясь игнорировать или недооценивать этот порядок, демонстрирует свою инаковость («другость») и отдельность в отношении Космоса. Техническое устройство тем самым помогает обнаружить границы человеческих возможностей и степень включенности человека в мир как Космос. Более того, использование техники участвует в познании человеком собственной сущности, собственной природы.

Этический ракурс: вопрос о мотивах поступков Дедала и Икара

Миф представляет Дедала как сильного человека, для которого свобода – безусловная ценность, ради которой он готов рискнуть и собственной жизнью, и жизнью сына. При этом он не только не сомневается в необходимости освобождения из тюрьмы, но и берет на себя полную ответственность за все риски. Икар не участвует в подготовке полета, не вникает в детали. Он ничем не связан – ни страхом, ни ответственностью, и в полете чувствует себя свободным, как птица. Один стремится к свободе, другой уже чувствует себя свободным? И так, и не так.

Дедал умен и расчетлив; все его действия обоснованы знанием законов природы и технической компетентностью, анализом ситуации и практикой (пробных полетов, например) и ни в коей мере не являются результа-

том эмоций. Икар же импульсивен и безрассуден, все его действия регулируются чувствами. Он всего лишь непослушный сын, любознательная жертва собственного легкомыслия.

Дедал знает о существовании естественных законов и считается с ними, исходя из мысли, что человек может больше, чем думает, но всё-таки не всё что угодно. Именно благодаря этому он раздвигает границы возможного для человека, не отменяя их при этом совсем.

Икар предпринимает безуспешную попытку преодолеть границы, не подозревая не только о том, где они пролегают, но и вообще об их существовании. Он кажется более свободным, чем Дедал, в своих действиях, но это не так.

У Ж. Деррида в эссе «Эдмон Жабе и вопрос книги» есть очень выразительное изречение, приписываемое некоему Ребе Зале: «Ты полагаешь, что свободна птица. Но ты ошибаешься – свободен цветок» [3, с. 107]. И далее идет весьма убедительное разъяснение этого парадоксального утверждения: «И Ребе Лима сказал: “Свобода просыпается постепенно, по мере того, как мы начинаем осознавать свои узы”» [Там же].

Незнание о границах не освобождает от их наличия. Безместность, «нигдежность» не означает свободы. Безместность птицы делает ее заложницей случая, ветра, моря, человека. Быть свободным по-настоящему – значит иметь возможность действовать, исходя из собственного устремления, плана, воли, знания, расчета. Но для этого нужно осознавать свои наличные границы, быть «у себя». Главное, чтобы это «у себя» не было местом пожизненного заключения. Свобода – это знание о границах и сознательное их преодоление. Бесстрашие – это знание об опасности и подавление своего страха перед ней.

Дедал создал и использовал для своих целей небывалое до него, Икар ничего не изобретал, ничего не создавал, не был инициатором побега из тюрьмы и даже не был хорошим исполнителем чужой воли. Всё, что он сделал, это нарушил запрет отца и поэтому погиб. Подлинным героем, следовательно, в этой истории должен считаться всё же Дедал, а не Икар.

Экзистенциальный ракурс: значение границы в установлении самотождества

В классическую пору Античности были сформулированы две фундаментальные задачи человеческого существования: «Γνῶθι σαυτὸν» – «Познай себя» (изречение на фронтоне храма Аполлона в Дельфах) и «γένοι' οἷός ἐστι μαθήω» – «Будь, каков есть: а ты знаешь, каков ты есть» (строчка из «Пифийских песен» греческого поэта Пиндара) [5].

Познай себя, чтобы познать мир как целое, в которое ты включен в качестве части.

Стань тем, кто ты есть, чтобы обнаружить свое место и назначение в единстве целого.

Но как узнать себя? Как стать собой? Ответы на эти вопросы как бы предполагают, что жизнь конкретного индивида имеет изначально цель, предназначение, смысл и способна в своих границах достичь абсолютной завершенности и полноты. То есть «узнать себя», «стать собой» означает понять, где пролегают готовые границы твоего мира, твоей сущности, и пребывать в них. Однако ни в один момент времени жизнь не дана целиком – не только в своих временных границах, но и в смыслах. Она никогда не «вся», так же как человек – никогда не готовый и не окончательный. И потому поиски себя имеют две противоположные интенции: определить свое (определить) и превзойти его, установить границы и нарушить их, отыскать свои пределы, дальше которых нет ничего твоего, и отыскать свое средоточие, центр, то, без чего ты – не ты. Первый путь – путь экспансии, разворачивания возможностей, трансценденции. Второй путь – путь аскезы, сворачивания, отсечение ненужного, необязательного.

Две эти интенции воплощены в символических началах греческой культуры – дионисийском и аполлоническом. Дионисийский разгул – это попытка человека испытать свои пределы, достичь границ возможного и попытаться их перейти, превосходя в этом открытии границ себя наличного. Аполлоническая рациональность – пример достижения не «всего», а лучшего, правильного, совершенного. И в установлении границ, и в их пересечении человек решает одну и ту же задачу – узнать себя, обрести себя.

В случае Дедала и Икара мы также видим разные способы определения границ своей собственной сущности. Икар узнает своей смертью, где пролегли его готовые и неизменные границы. Дедал устанавливает новые границы своими действиями. Тем самым Икар указывает на наличие незыблемых границ; Дедал делает очевидной возможность их преодоления.

Мы видим, что Икар проигрывает по сравнению с Дедалом во всех отношениях.

Тогда почему же Икар – «герой» – выходит на первый план в этой истории, оттесняя Дедала – «просто инженера» – в тень?

Онтологический ракурс: роль Дедала и Икара в сохранении космического порядка

Нам представляется, что героизация образа Икара может быть объяснена следующими причинами.

Во-первых, поведение Икара соответствует «правильному» образу героя.

В греческой мифологии и трагедии поведение истинного героя включает в себя три необходимых шага: *ἄβουος* (перенасыщение, переизбыток);

ῥβρις (дерзость, наглость, гордость); ἄτη (безумие, горе). Понятие ῥβρις, по сути, означает этический принцип жизни героя, который предполагает поведение, выходящее за рамки допустимого, включающее, в частности, нечестивое отношение к богам, нарушение традиций и установленного порядка, осуждаемое не только традицией, но и подлежащее наказанию в юридической практике. Однако ῥβρις являлся вместе с тем неотъемлемым элементом проведения героя, способом реализации его «героических» потенций и интенций, тем, без чего он не стал бы самим собой. Что такое Одиссей без возвращения на Итаку вопреки воле богов? Антигона без нарушения запрета хоронить брата? Прометей без похищения огня? Сократ, покаявшийся по всем пунктам обвинений?

На первый взгляд и Дедал, и Икар проявляют ῥβρις: один, превосходя наличные границы человеческого удела, другой – нарушая запрет отца, игнорируя законы физического мира. Но в действительности подлинный ῥβρις осуществляет только Икар. Дедал сделал больше, чем считалось возможным для человека до его действий, но Икар попытался сделать что-то абсолютно невозможное и недопустимое.

Во-вторых, Икар своей смертью указывает на нерушимость космического порядка, в котором всё предопределено, всё находится на своем месте.

В.С. Библеру принадлежит глубокая мысль о специфике античного разума, об античной познавательной стратегии. Для эллинского духа понятие бытия отнюдь не означает познать его таким, каково оно само по себе. Понять мир для грека значит «всею силой своего мышления, разумения – определить хаос мира в Космос, мысленно “устроить” беспредельное, вместить его в пределы образа, внутренней формы, эйдоса...» [2, с. 294, 295]. И эта интенция отыскивать или задавать пределы проявляется и эстетически, и этически, и технически. Она реализуется в архитектурных ордерах и скульптурном каноне Поликлета, правилах драматургии и технологиях ремесленников, полагавшихся на знание свойств материала, а не на милость богов.

Процесс познания этих пределов в каком-то смысле становится актом порождения упорядоченного (определенного и определенного) Космоса. Действия Дедала служат хаотизации Космоса, нарушения его порядка; закономерная гибель Икара возвращает мир в прежние границы. Оба героя образуют диалектическое единство двух интенций мира – хаотизации и упорядочивания. Дерзость (ῥβρις) и следующее за ней наказание взаимонеобходимы, они обеспечивают пульсирующий режим существования мира (Хаос – Космос; рождение порядка – его разрушение – рождение нового порядка), благодаря которому мир остается живым. Подтверждение этой необходимости можно найти в рассуждениях Сократа о том, что самое страшное, что может случиться с человеком, заключается в том, что

боги лишают его наказания: «...человек несправедливый и преступный несчастлив при всех обстоятельствах, но он особенно несчастлив, если уходит от возмездия и остается безнаказанным» [6, с. 508].

Хотя Дедал действует рационально, своими действиями, даже успешными, он стирает границы между возможным и невозможным, правильным и неправильным. В сущности, судьба хитроумного Дедала печальна. Его считают изобретателем огромного количества технических устройств (столярных и строительных инструментов, парусов и технологии их управления, хитроумных строений и статуй, поражавших сходством с живыми людьми). И каждое новое изобретение было попыткой превзойти возможное. Его искусство базировалось на точном расчете и мастерском исполнении, но было равнодушно к этике, служе и добру, и злу одинаково. В конечном итоге всё, что создано его инженерным гением, ставится ему в вину. Его изобретения становятся причиной позора Миноса, нравственного падения Пасифаи, пожизненного заточения Минотавра, смерти сына. Можно сказать, что причина гибели Икара кроется в онтологической ошибке Дедала. Итог этой истории содержит прямое указание на существование пределов человеческого: небо не принадлежит человеку, и этот полет – нарушение космического порядка, за которое полагается наказание. Дедал преступает в своей технической дерзости что-то важное, а именно – делает границы, упорядочивающие Космос, условными, временными, незначимыми. И на фоне безудержных амбиций Дедала гибель Икара начинает выглядеть не результатом случайного промаха, необдуманного нарушения родительского запрета, а трагедией и апофеозом культурного героя, обнаруживающего (утверждающего) пределы человеческого ценой своей жизни.

Человек никогда не ищет абсолютной свободы от любых границ, сознавая их необходимость. Его протест (если он есть) относится не к самому их существованию, а к тому, где они пролегают. Отсутствие границ привело бы к превращению прекрасно устроенного Космоса в неструктурированное Ничто, в котором нет определенного места для чего-либо и которое поглотит конечного человека, не оставляя следов. Границы могут меняться, но они не должны исчезать.

И, наконец, есть еще одна причина героизации Икара. Его полет и гибель – убедительная иллюстрация того, что невозможные вещи существуют, и это очень важно. Человеку нужны не только планы, но и мечты; не только цель (трудная, но достижимая), но и недостижимый горизонт. Как выразился М. Пруст, человеку необходима опасность неосуществимости, «большой кусок неба над нашей жизнью». Потеряв свою неприступность, небо перестает быть небом. А теряя небо, человек потерял бы и землю, поскольку они перестали бы быть «другими» по отношению друг

к другу. Человеку нужна не только трансценденция за пределами возможного, но и существование «прекрасного невозможного». Возможно, традиция сделала Икара главным героем мифа еще и потому, что большинство людей в большей степени готовы признать границы, чем нарушать их. Их страх перед возможным хаосом и неспособность взять на себя ответственность за организацию нового порядка в Космосе может быть уравновешен только мечтой о «прекрасном невозможном».

Заключение

Как можно видеть, известный миф о Дедале и Икаре можно интерпретировать не только как «историю одного открытия», или «историю одного подвига», или «историю одной трагической ошибки». За увлекательным сюжетом может скрываться глубокая онтологическая и экзистенциальная проблема: что такое граница в мире и какова ее роль в человеческом существовании. Миру нужны границы, чтобы быть Космосом. Человеку нужны границы, чтобы быть включенным в Космос в качестве его необходимой части. Но он может узнать, где находятся эти границы, только в попытках их превосхождения.

Человек не занимает объективно отведенное ему место в структуре Целого среди другого сущего (других сущих), а вмещает в себя всю полноту бытия, всю пустоту Ничто. Он сам проводит границы внешние, отделяющие его от чужого, иного, и границы внутренние, структурирующие пространство, которое он может назвать своим. Внутреннее единство и целостность, собранность в своем существе и отличие себя от иного; интеграция своего и дезинтеграция с чужим являются двумя сторонами одного намерения – достичь самотождества, найти себя в мире. В образах Дедала и Икара воплощено единство двух интенций человеческого существования – установления границ и их трансценденции. Икар показал, что мир разделен границами; Дедал – что благодаря границам мир целостен. И оба продемонстрировали, что эти границы не предзаданы жестко и человеку принадлежит активная роль в их установлении.

В греческом городе Айос-Кирикос, столице острова Икария, у берегов которого, по легенде, и погиб Икар, на конце далеко уходящего в море волнореза стоит огромный памятник Икару в виде пары дырявых опущенных крыльев. Можно спорить, символом чего он является – великой мечты или великой ошибки, подвига или глупости. Нам представляется, что это памятник границе – границе в космическом порядке и границе в человеческом существовании, символ неистребимой экзистенциальной потребности человека в установлении – а не принятии готовых – границ своего места в мире.

Литература

1. *Ахутин А.В.* Античные начала философии. – СПб.: Наука, 2007. – 783 с.
2. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
3. *Деррида Ж.* Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2000. 495 с.
4. *Лебедев А.В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014. – 533 с.
5. *Пиндар.* Пифийские песни. 2. «Иксион» Гиерону Сиракузскому. – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm#c2> (дата обращения: 11.11.2019).
6. *Платон.* Горгий // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 477–574.

Статья поступила в редакцию 25.03.2019.

Статья прошла рецензирование 18.05.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-31-42

SYMBOL OF A BOUNDARY IN THE MYTH OF DAEDALUS AND ICARUS

Denisova Tatyana,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Associate Professor, Department of Philosophy

Surgut State University,

1 Lenina Ave., Surgut, Khanty-Mansy Autonomous Okrug – Yugra,

Tyumen region, 628412, Russian Federation

denisovasever86@bk.ru

Abstract

The focus of the following essay is one of the most known ancient myths about Daedalus and Icarus. This myth will be considered through a prism of the universal metaphysical problem of a boundary in correlation with the problem of human essence. The aim of this article is to present dialectical unity of two models of relationship of the world and a human, and two models of achievement of human self-identity in the process of establishment of actual borders and attempts of their surpassing. A person equally needs to establish and label his/her limits and overcome them for being him/herself. Moreover, he/she is able to discover his/her own borders only during the moment of their intersection. Thus, existence is always connected with transcendental acts, with the process of establishment and deconstruction of the borders. Both the establishment of boundaries and their destruction correspond to the nature of a human and his/her basic existential needs. The death of Icarus establishes (finds out) actual boundaries of a man, which he ignored before. The inventions of Daedalus establish (pave) new boundaries, overcoming the former ones.

Keywords: boundary, Daedalus and Icarus, myth, technique, transcendence, existential need.

Bibliographic description for citation:

Denisova T. Symbol of a Boundary in the Myth of Daedalus and Icarus. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 1, pp. 31–42. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-31-42.

References

1. Akhutin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Philosophy's Origin]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 783 p.
2. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From the Science to Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to XXI Century]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 413 p.

3. Derrida J. *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2000. 495 p. (In Russian).
4. Lebedev A.V. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova* [Logos of Heraclitus. Reconstruction of the Thought and a Word]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 533 p.
5. Pindar. *Pithian Songs. 2 "Iksion" To Hieron of Syracuse*. (In Russian). Available at: <http://ancientrome.ru/antlitr/pindar/pindar04.htm#c2> (accessed 11.11.2019).
6. Plato. Gorgii [Gorgias] Plato. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 1 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 477–574. (In Russian).

The article was received on 25.03.2019.

The article was reviewed on 18.05.2019.